

несправедливость формального частного римскаго права, провозглашая свой новый принцип имущественных отношеній: тот, кто не имѣет никакой собственности — не обязан соблюдать ничьей собственности.

Кто критикует «буржуазность» демократіи, тот критикует ея частное право с точки зрѣнія вѣрных и цѣнных принципов ея публичнаго права. Но слѣдует помнить, что наше частное право само по себѣ вообще совершенно индифферентно к принципам демократіи — оно потому и было кодифицировано абсолютною монархіей (кодекс Юстиніана, кодекс Наполеона, свод законов Николая I-го). Вина демократіи только в одном: она индифферентна к своему имущественному праву, которое противорѣчит ея центральному принципу: дѣйствительной автономіи личности, равноцѣнной автономіи общества. Мы приходим к тому же основному утвержденію: демократія недостаточно демократична.

Б. Вышеславцев.

Проблема новаго средневѣковья

Наше время может быть названо эпохой достижений, результатов, свершений. Все, или почти все то, о чем с незапамятных времен, начиная с мифа о Дедалѣ и Икарѣ, и кончая романами Жюль Верна, мечтало человѣчество, о чем фантазировали утописты, что пробовали дѣлать колдуны, шаманы, маги, алхимики и астрологи, нынѣ претворено в дѣйствительность, стало предметом научнаго вѣдѣнія и повседневной практики. Уже это одно может навести на мысль, что коллективный Фауст прошел свой жизненный путь до конца, и что человѣчество приблизилось к тому моменту, послѣ котораго, если не времени, то исторіи уже больше не будет. И только теперь становится ясно, что нѣтъ ничего ужаснѣе осуществленія сразу всѣх возможностей. Ибо это уже само по себѣ порождает на-

копленіе жесточайших противорѣчій, — противорѣчій не теоретических, не умозрительных, а вполне реальных. Мы страдаем от избытія удобств, порабощаемся тѣми орудіями, которыми заставляем служить себѣ Природу; вынуждаемые пользоваться всѣм, оказываемся с пустыми руками. И пріученные историческим мышленіем послѣдних столѣтій все объяснять генетически, люди, застигнутые врасплох и подавленные тяжестью всѣх осуществленных заданій всего человѣчества, начинают думать: не была ли ошибкой вся всемірная исторія, не является ли вообще человѣкъ какою-то ошибкою природы — недаром же Библія начинает человѣческую исторію с грѣхопаденія. Так выворачивается наизнанку антропоцентрическое міровоззрѣніе Ренессанса. Это предѣльная умственная дерзость, свидѣтельствующая о предѣльной же умственной лѣности. Нѣтъ ничего легче и проще, как отрицать рѣшительно все — вплоть до себя самого. Чаше, впрочем, останавливаются на пол-пути и ищут отвѣтов на поставленные жизнью вопросы, менѣе обезкураживающих и не столь глубокомысленно-упрощенных.

Широко распространено представленіе, в немалой степени обусловленное склонностью отождествлять, или выводить одно из другого, понятія, связанныя общностью наименованія: зависимость современнаго человѣка от матеріальных вещей есть плод матеріалистическаго міровоззрѣнія, — представленіе весьма упрощенное и вряд ли в основѣ своей вѣрное, ибо подавляющее большинство людей во всѣ эпохи, при всяких міровоззрѣніях, всегда дорожило матеріальным преуспѣяніем; а между тѣм вопросы матеріальнаго обезпеченія рѣдко когда играли в жизни такую роль, как сейчас — потому, что прежде, при большей простотѣ хозяйственной структуры, они разрѣшались гораздо легче. Если бы, при данной населенности земнаго шарѣ, не существовало міроваго хозяйства, жить было бы несравненно труднѣе, чѣм сейчас. Но с другой стороны, в силу того же условія, отвѣтъ на вопрос, удастся ли мнѣ послѣзавтра побѣдять, зависит не только от моей доброй воли, от моей готовности работать и от готовности моих сограждан дать мнѣ работу, но также и от того, каков будет завтра курс какой-нибудь, никогда не виданной мною, валюты на Нью-Йоркской биржѣ.

Наше время, время результатов, свершений, есть тѣм самым время обособленія отдѣльных сфер человѣческой дѣятельности, время, когда каждая из этих сфер вырабатывает свою собственную структуру, и когда эти структуры становятся уже сами факторами исторической жизни, когда они приобрѣтают свою собственную инерцію и свою внутреннюю законмѣрность. Так, напримѣр, непосредственной причиной міровой войны явилась инерція генеральных штабов, обусловленная невѣроятно усложнившейся техникой организациі армій. Не могла Россія дать положительнаго отвѣта на требованіе Германіи ограничиться, вмѣсто общей, частичной мобилизаціей — ибо не существовало плана такой частичной мобилизаціи, и нельзя было выработать его и ознакомить с ним надлежащіе органы в течение нѣскольких часов. Не могла Германія уступить желанію Англіи и приступить к переброскѣ уже сосредоточенных на Западѣ войск на Восток: ибо это не было предусмотрено давно выработанным оперативным планом, так что, по выраженію фон-Мольтке, германская армія, при такой, импровизированной, переброскѣ, обратилась бы из арміи в орду. Вильгельм, настаивавшій на уступкѣ Англіи, замѣтил, что старый Мольтке дал бы ему не такой отвѣт. Это сомнительно. Но для Юлія Цезаря, для Аттилы, для Карла Великаго было бы вполнѣ возможно то, что было невозможно для Мольтке.

Обособленіе отдѣльных жизненных сфер и выработка собственной структуры каждой из них приводит к их равноправію. Еще в эпоху Ренессанса были в модѣ споры о том, какое искусство «достойнѣе» всѣх прочих, и еще Леонардо да Винчи доказывал, что живопись выше поэзіи, потому что живопись изображает вещи непосредственно, а поэзія посредством слова. Искусства и науки, располагавшіяся раньше по степеням достоинства, подобно тому, как люди распредѣлялись по сословіям и по чинам, теперь равноправны, — как люди нашего времени. Принято связывать дух эгалитаризма, демократизма, уравнительнаго индивидуализма («Massenindividualismus», как выражаются нѣмцы) с тѣм же рационалистическим отношеніем к жизни, которое породило раздѣленіе труда. Нельзя, однако, смѣшивать спецификацію сфер труда с раздѣленіем труда. Надо различать раздѣленіе труда в одной какой-либо жизненной

сферъ от того раздѣленія труда, которое обусловлено обособленіем сфер. Раздѣленіе труда в одной опредѣленной сферѣ порождает неравенство, а не равенство. Студент, лаборантъ и профессор на одном факультетѣ не равны между собою. Равенство патолога-анатома и археолога совсѣм не то же самое, что равенство патолога-анатоміи и археологіи. В настоящее время не только патолога-анатом «равен» археологу, но оба вмѣстѣ «равны» сапожнику и портному. Их равенство обусловлено тѣм, что всѣ они люди, считающіеся равными, как таковыя; тѣм, слѣдовательно, что они имѣют между собою нѣчто общее, преобладающее над их специальными функциями; тѣм, наконец, что, согласно трудовой теоріи цѣнности, — безразлично, вѣрна она или нѣтъ, — считается возможным свести один вид труда к другому и показать, что люди, работающіе «нормально», чѣм бы они ни занимались, расходуют одинаковыя усилія и несут, в сущности, при разной работѣ, одинаковый труд.

Если равенство между людьми возрастает по мѣрѣ того, как растет сознание, что то общее, что существует между ними, важнѣе и, в какой-то мѣрѣ, «реальнѣе», специфическаго, то напротив: равенство жизненных сфер возрастает по мѣрѣ того, как общее между ними умалется, исчезает.

Равенство жизненных сфер и равенство людей — различныя понятія. Я могу уважать одинаково человѣка в художникѣ и ремесленникѣ. Но я не могу одинаково уважать торговлю и науку — по той простой причинѣ, что сами по себѣ жизненные сферы не являются предметом ни уваженія, ни неуваженія. То, что мы называем их равенством, есть не что иное, как их разобщенность. Законы политической экономіи нельзя «свести» к законам химіи или физики, и нельзя пробѣлы в нашем познаніи, скажем, хозяйственных отношеній, пополнять, черпая из запасов наук, вѣдающих, на примѣръ, физическія свойства тѣлъ, как это дѣлалось в старину.

Кризис, который переживает современное человѣчество, объясняется тѣм, что эта тенденція отдѣльных жизненных сфер к обособленію, к автономности, все еще недостаточно осознана, учтена и осуществлена. Здѣсь сказывается склонность, свойственная подавляющему большинству людей, к недодумы-

ванію и к упрощенію проблем, к тому же подкрѣпляемая и получающая видимость обоснованія в руководящем принципѣ современной исторіософіи, исходящей из признанія наличности общаго каждому культурному моменту жизненнаго стиля. Так, напримѣр, авторитетнѣйшій социолог, von Wiese, говоря о всепроникающей рационализациі жизни, как главной чертѣ нашего времени, приводит в примѣр входящій в обычай способ обозначать мѣсяцы цифрами, вмѣсто прежних названій. Но, вѣдь, это дѣлается только тогда, когда мы что-нибудь просто датируем. Ни один беллетрист или стихотворец не замѣнит в своем произведеніи слова М а й цифрой V. Непониманіе самозаконности и обособленности отдѣльных жизненных сфер сказывается постоянно в нападках на «варваризацию» языка, состоящую во вторженіи в тот или иной язык иностранных слов, причем блюстителями чистоты не дѣлается никакого различія между отдѣльными сферами приложенія даннаго языка. Латинизмы и грецизмы уродуют художественную или интимную рѣчь, но являются прямым благодѣяніем в научном языкѣ, так как ими поддерживается научная традиція, и, так как, благодаря им, облегчается взаимное пониманіе ученых, вынужденных читать книги на стольких различных языках.

Непониманіе специфичности структур отдѣльных жизненных сфер и служит причиной того, что современный человек изнемогает от избытія всяческих достиженій. Каждая из этих сфер претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей, каждая давит на него всей тяжестью, как своего собственнаго, так и присвояемаго ей чужога бремени. Научный язык портит интимный, а заботы пуристов о «чистотѣ» языка сковывают свободу научной рѣчи; интернаціоналисты, понявшіе, что хозяйство в настоящее время может быть организовано правильно только в міровом масштабѣ, но считающіе, что хозяйствованіе есть основа всѣх жизненных сфер, и «выводящіе» послѣднія из хозяйственной, подкапываются под самое бытіе отдѣльных націй, всячески добиваясь предѣльной рационализациі національных культур, т.-е. их обезличенія, т.-е. уничтоженія; а національное соревнованіе обуславливает собою призрачную жизнь «національнаго хозяйства», препятствующаго развитію хозяйства мірового. Если «національное хозяйство» есть в наше время только

призрак, гальванизированный труп, то **Нація**, которая в эпоху меркантилизма, когда національное хозяйство было реальностью, была еще только неясным заданием, стала нынѣ реальным фактом, таким же реальным, как мировое хозяйство. Борьба этих двух, совершенно различных по своим собственным структурам, но неразмежевавшихся (оттого то и происходит борьба) реальностей, борьба, принимающая все новыя и новыя формы, может в конечном итоге привести к их взаимоистреблению. Націи, преслѣдующія осуществленіе того, что было нѣкогда косвенным условием их внутренней консолидации, но что не есть, по своей природѣ, существенная черта их индивидуальности, подчиняющія всѣ свои отправления заботам об упроченіи національнаго хозяйства, могут умереть духовно, а мир успѣет за время, покуда длится эта борьба, обнищать настолько, что мировое хозяйство станет из реальности, пусть и неустроенной, неконсолидированной, недооформленной, каково оно сейчас, пустым словом.

Никогда еще, кажется, мир не был так безобразно хаотичен, так непрочен, так неустойчив, так полон противорѣчій, как в наше время, которому еще до войны, еще до Шпенглера, вдумчивые люди присвоили имя времени господства, над культурой, Цивилизаціи, — слово, с которым связываются как раз противоположныя представленія о системѣ, порядкѣ, организаціи. Но это мертвый и мертвящій порядок, видимость порядка, «покров, наброшенный над бездной», — хуже: камень, давящій собою ростки жизни. И как в пору европейскаго кризиса начала XIX столѣтія, так и теперь раздаются зовы назад, к органической эпохѣ, к средним вѣкам, к «новому Средневѣковью». Слово «назад» надо понимать условно, и недаром рѣчь идет именно о новом Средневѣковѣ, а не о реставраціи стараго. Но надо все же дать себѣ отчет, чѣм «новое» Средневѣковье будет, если оно осуществится, отличаться от «стараго». Вопрос этот далеко не чисто, так сказать, академическій: ибо немало уже есть людей, готовящихся претворить слово в дѣло; и прислушиваясь к разрозненным голосам этих людей, интегрируя отдѣльныя мысли, отдѣльныя требованія, можно прийти к заключенію, что, для большинства приверженцев идеи «новаго» Средневѣковья, самым цѣнным в «старом» является

как раз то, что неосуществимо в новом, а именно — его структура.

По ея строенію, Средневѣковую культуру можно уподобить ряду концентрических сфер. Средневѣковье строило свою жизнь по типу Вселенной, как она ему представлялась. Тѣ сферы, к которым принадлежал каждый отдѣльный человек, — семья, род, цех или сословіе, город, государство, церковь, включались одна в другую — меньшая в большую — так, что принадлежность к одной влекла за собою принадлежность ко всем остальным и вмѣстѣ с тѣм так, что каждая меньшая была образом и подобіем всех послѣдующих больших, в первую очередь — всеохватывающей сферы, Церкви.

В настоящее время отдѣльныя жизненныя сферы, число которых чрезвычайно умножилось, пересѣкаются между собою в самых разнообразных направленіях, сталкиваются, стремятся расширяться одна за счет другой, каждая влечет к себѣ человека, и, раздираемый ими, человек теряется, гибнет. Внести же между ними строй и лад по іерархическому принципу нѣтъ возможности, ибо обособленіе их собственных структур зашло черезчур далеко. Возможно только одно: итти до конца, признать право каждой из этих сфер на самостоятельное существованіе, произвести между ними размежеваніе, организовать каждую на одном единственном, ей и только ей присущем принципѣ, обособить, на примѣр, хозяйство и Націю так, как обособились уже давно наука и поэзія, изобразительныя искусства и ремесла, которыя во времена Данте и даже Леонардо да Винчи, еще составляли одно цѣлое.

Но, вѣдь, всѣ эти «сферы» суть, на самом дѣлѣ, не что иное, как отдѣльныя проявленія человѣческой личности и человѣческой дѣятельности? Размежевать их столь послѣдовательно — не значит ли это окончательно разложить человѣческую личность? И можно ли проводить аналогію между, на примѣр, разграниченіем таких сфер, как наука и поэзія, и таких, как Нація (= національное государство) и хозяйство? Вѣдь, не всѣ люди занимаются наукой или поэзіей, или обѣими вмѣстѣ, но всѣ люди так или иначе хозяйствуют, и каждый человек принадлежит к какому-нибудь народу и является членом какого-либо государственнаго союза?

В средніе вѣка, чѣмъ шире была какая-либо сфера, т.-е. чѣмъ большее число людей она охватывала, тѣмъ она была и «достойнѣе». Существовала какъ бы предустановленная гармонія между «достоинствомъ» сферы и ея объемомъ. Выше всѣхъ прочихъ стояла религія, которая въ Церкви охватывала собою всѣхъ христіан. И вмѣстѣ съ тѣмъ она подчиняла себѣ всего человѣка, освящала и осмысливала собою всѣ виды его дѣятельности. Сейчас сфера религіи, с точки зрѣнія объема, соотвѣтствуетъ сфера хозяйства, т.-е. дѣятельности, которая, какъ никакая другая, связана единственно лишь съ чисто-разсудочной стороной человѣческаго духа. Хозяйствованіе подчиняетъ себѣ всѣхъ людей, но только частично каждого изъ нихъ — и чѣмъ духовно выше стоитъ человекъ, тѣмъ меньше онъ связанъ съ этою сферой. На этомъ примѣрѣ выясняется особенность культуры нашего времени: іерархія плановъ, въ которыхъ расположены отдѣльныя жизненныя сферы не имѣетъ ничего общаго съ объемами этихъ сфер. Нельзя представлять себѣ религіозное возрожденіе человѣчества, ожидаемое и требуемое идеологами «новаго» Средневѣковья въ видѣ реставраціи Церкви, какъ высшей и вмѣстѣ съ тѣмъ широчайшей и авторитетнѣйшей организованной сферы. Это было бы возвратомъ къ «старому» Средневѣковью и привело бы къ тому же самому, что обусловило собою его разложеніе: т.-е. къ тому, что изъ универсальной духовной силы, религія, хватавшаяся за все, и вмѣшивавшаяся во все, тѣмъ самымъ стала однимъ лишь изъ элементовъ культуры, и притомъ наименѣе значительнымъ. Религія не есть «Privatsache», — это логически нелѣпое понятіе, ибо религія, въ своемъ существѣ, есть не что иное, какъ общеніе религіознаго субъекта съ міромъ и съ Богомъ. Но это общеніе мистическаго свойства. Оно совершается въ планѣ, не имѣющемъ никакихъ точекъ соприкосновенія со всѣми другими планами, въ которыхъ протекаетъ жизнь — и именно потому оно осмысливаетъ собою всѣ виды дѣятельности человѣка и тѣмъ объединяетъ ихъ, т.-е. обезпечиваетъ цѣльность человѣческой личности. Вотъ почему излишне, ненужно и недолжно связывать, какъ это обычно дѣлается, проблему религіознаго возрожденія человѣчества съ проблемой разрѣшенія современнаго хозяйственнаго, политическаго и правового кризиса. Или вѣрнѣе: слѣдуетъ продумать до конца первую изъ этихъ проблемъ, чтобы усвоить себѣ путь къ ура-

зумѣнію сущности второй: а именно того, что каждой сферѣ человеческой дѣятельности присущ ея собственный план, и что поэтому надо начинать не с подчиненія однѣх сфер другим, а напротив, с послѣдовательнаго обособленія их, что в дальнѣйшем откроет возможность для их группировки по принципу большей или меньшей — или, наконец, никакъ — рационализаціи каждой из них. Другими словами: основная задача настоящаго времени — осознать «равноправіе» и вмѣстѣ несводимость Культуры и Цивилизаціи, освободить Культуру от Цивилизаціи, но также Цивилизацію от Культуры. К примѣру: самое ужасающее в современном коммунизмѣ это идея «плановой культуры», т.-е. «плановой» науки, «плановой» поэзіи, философіи — почему бы и не религіи? Но не большее пониманіе свободы проявляют тѣ либералы, которые во имя свободы личности отрицают социализм и плановое хозяйство. Разграниченіе сфер Цивилизаціи и Культуры будет, в конечном итогѣ, разграниченіем сфер коллективнаго дѣланія и индивидуальнаго творчества. В первой человѣкъ отдает часть самого себя коллективу — и чѣм безусловнѣе, чѣм полнѣе, тѣм совершеннѣе структура этой сферы: ту часть, которая ему, как индивидуальности, собственно и не принадлежит, — безразличный, общій разумок. Во второй человѣкъ ничего не отдает, но все забирает себѣ: выражая себя, микрокосм выражает микрокосм, реализует себя, реализует, по своему, Все. Проблема, подлежащая разрѣшенію — сдѣлать так, чтобы каждому, участвующему в первой сферѣ, была обеспечена возможность участвовать и во второй.

П. Бицилли.